

Змеелюд бросил Дэн Ци и Тянь Лэсиня, развернулся и бросился наутёк. Его руки, всё ещё сохранявшие змеиный облик, при беге мотались из стороны в сторону, выглядя пугающе и неестественно.

Пэй Цяньсин бросился следом. Хотя у змеелюда остались человеческие ноги, бегал он очень быстро, и Пэй Цяньсин не мог его догнать.

Они неслись через лес, пока впереди не показалось озеро. Змеелюд, не раздумывая, прыгнул в воду. Поверхность озера пошла кругами, а когда он снова вынырнул, то был уже на середине.

Пэй Цяньсин остановился на берегу: погоня явно зашла в тупик.

Змеелюд, болтаясь на воде, принялся дразнить Пэй Цяньсина:

— Давай! Прыгай сюда, попробуй убей меня!

Пэй Цяньсин остался невозмутим. Он уже собирался повернуть назад, как вдруг поверхность озера вскипела, и из глубины вырвался гигантский крокодил длиной не меньше десяти метров. Одним движением он проглотил змеелюда.

На воде расплылось алое пятно, и озеро вновь погрузилось в тишину.

Даже Пэй Цяньсин, повидавший на своем веку немало, вздрогнул. Он прижал руку к груди, радуясь, что не поддался импульсу и не бросился следом.

Он не спеша побрел обратно. Проходя мимо трупа Джерри, получеловека-полуобезьяны, он вытащил кинжал, вытер его и убрал. Ши Дун к тому времени уже спеленал птицелюда, как подарочный сверток.

— Сдох? — не оборачиваясь, спросил Ши Дун.

Пэй Цяньсин спрятал нож:

— Сдох. Крокодил сожрал.

Ши Дун погладил подбородок и причмокнул:

— Фабио сбежал. Ты упустил его, Красноглазый.

Пэй Цяньсин искоса взглянул на него:

— Ты болтал с ним столько времени и не вытянул ни крупицы полезной информации. Это ты его упустил.

После того как Пэй Цяньсин отделился от группы, он шел по следам до самого лагеря Фабио, тихо затаившись на дереве, чтобы вмешаться в нужный момент.

Дэн Ци и Тянь Лэсинь с удивлением смотрели на внезапно появившегося Пэй Цяньсина:

— Вы договорились?

Ши Дун презрительно хмыкнул:

— Такие вещи нужно обсуждать? Разве не всё очевидно?

Когда Джерри согласился принять Дэн Ци и Тянь Лэсиня в группу, они сразу поняли, что у Фабио на уме недоброе. При его расчетливой натуре он никогда не стал бы брать слабых помощников, если бы ему действительно нужны были люди. Ценность группы Пэй Цяньсина заключалась в оружии, а ценность Фабио — в информации о Белом доме. Поэтому они решили подыграть Фабио, чтобы вывести хоть что-то. Вместо того чтобы вдвоем идти на открытый конфликт, безопаснее было действовать скрытно. Так всё и произошло.

Оба они привыкли жить среди убийц и безумцев, мыслили одинаково, и им не нужны были слова — хватало одного взгляда, чтобы сработать как единое целое.

Пэй Цяньсин подошел к связанному птицелюду и присел на корточки:

— Отвечай на вопросы, ясно? — его голос стал тише, но от него повеяло могильным холодом.

Глаза птицелюда были выжжены, из них непрерывно текла кровь, он жалобно стонал.

— Выкладывай всё, что знаешь о Белом доме, о котором говорил Фабио.

Птицелюд некоторое время мычал, но молчал.

Пэй Цяньсин усмехнулся:

— У тебя мозги есть? Фабио не придет тебя спасать. Думаешь, он будет благодарен тебе за то, что ты хранишь его тайны?

Птицелюд съежился и начал испуганно озираться, хотя ничего не видел.

Пэй Цяньсин с выражением крайнего раздражения вытащил кинжал.

— О-о-о! — с нескрываемым злорадством прокомментировал Ши Дун, отгоняя Дэн Ци и Тянь

Лэсиня подальше. — Отойдите! Эксперт приступает к работе! Отвернитесь и не подглядывайте, а то ужин наружу попросится!

Пэй Цяньсин прижал лезвие к лицу птицелюда и медленно повел им, создавая невыносимое напряжение. Холодный металл на коже пугал куда сильнее, чем вид ножа. Птицелюд задрожал, его шея одеревенела. Острие скользнуло вдоль сосудов, миновало шею, грудь и, наконец, опустилось на руку, медленно проходясь по тыльной стороне ладони.

— Руки, значит, не мутировали. Странно. Есть какая-то закономерность? — небрежно бросил Пэй Цяньсин.

Птицелюд дрожал под лезвием.

Пэй Цяньсин поддел кончиком ножа палец:

— Знаешь, сколько костей в человеческой кисти? А, точно, не знаешь. Давай я проведу тебе бесплатный урок. Четырнадцать фаланг, пять пястных костей, восемь костей запястья... Сколько там всего? Двадцать семь. Хочешь посмотреть? Я могу срезать мясо по кусочкам, чтобы ты рассмотрел их получше.

Дэн Ци, стоявший рядом, посмотрел на свою руку, покрутил её, сжал в кулак, разжал и начал пересчитывать пальцы, решив, что узнал что-то полезное.

Птицелюд взмолился:

— Не надо...

— Ой, я забыл, ты же не видишь. И что же делать?

— Я всё расскажу! Отпустите меня!

— Вопросы не задавать! — Пэй Цяньсин взмахнул ножом, срезав кусочек кожи с подушечки указательного пальца.

— А-а-а! — раздался крик, полный боли.

Тянь Лэсинь рядом вздрогнул и машинально погладил свои пальцы — в свое время, когда он напросился следовать за Пэй Цяньсином, тот не раз одергивал его этим самым приказом.

Пэй Цяньсин с досадой посмотрел на нож:

— Слишком острый, нет никакого кайфа. У тебя нет ножа потупее?

Если острый нож резал так быстро, что нервы не успевали среагировать, то тупое лезвие умножало боль в тысячи раз.

Ши Дун развел руками:

— Ты же у нас мастер заточки, сам все ножи до бритвенного состояния довел.

Пэй Цяньсин вздохнул:

— Ладно, придется довольствоваться этим.

— Я скажу! Я всё скажу! Умоляю, пощади! — закричал птицелюд. — Я не ходил с Фабио к Белому дому! Он пошел один! Мы встретили его позже и всё узнали от него! Он искал пару помощников, а потом решил выгнать того, кто превратился в обезьяну, говорил, что тот слишком слаб. Обезьяна остался только потому, что пообещал достать оружие!

— Мне плевать! Где находится Белый дом?

— Я не знаю! Фабио не говорит!

Пэй Цяньсин снова полоснул его, срезав еще кусочек плоти.

— А-а! Я правда не знаю! Он сказал, что сам покажет дорогу, когда придет время! Я не знаю!

— Что еще он говорил про Белый дом?

— Он сам еще не дошел до него! Говорил, что по пути полно монстров, и велел нам не задавать лишних вопросов! Больше я ничего не знаю!

Пэй Цяньсин посмотрел на Ши Дуна:

— Что думаешь?

Ши Дун покачал головой:

— Скорее всего, говорит правду. Фабио слишком хитер, чтобы до начала операции раскрывать планы таким мелким сошкам.

Пэй Цяньсин поднялся и отряхнулся:

— Только время зря потратил.

В этот момент птицелюд вдруг начал корчиться в муках: его ноги превратились в птичьи лапы,

лицо вытянулось, ороговело, превращаясь в клюв, а по коже полезли перья.

Он продолжал мутировать!

Пэй Цяньсин и Ши Дун схватились за оружие и отступили.

Черные жесткие перья прорывали кожу, кровь залила землю. На лице проступил густой серый пух, особенно на руках, где перья вытягивались, превращаясь в крылья.

Веревки лопнули, не выдержав напора. Птицелюд, похожий на окровавленный кусок мяса, катался по земле, впиваясь когтями в собственную кожу, будто хотел содрать её.

— Назад! Всем назад! — крикнул Ши Дун.

В следующее мгновение птицелюд взорвался, словно перекачанный воздушный шар. Кровь, ошметки плоти и перья разлетелись во все стороны, обдав присутствующих кровавым дождем.

— Черт! Какая гадость! — выругался Ши Дун, пытаясь увернуться, но всё равно оказался с ног до головы в крови.

Птицелюд лежал неподвижно. Лапы, клюв и перья исчезли, он снова стал человеком, но тело мгновенно высохло, будто из него выпили все соки, превратив в мумию.

Четверо смотрели на труп, не в силах поверить в увиденное.

— Это что... эволюция не удалась? — резюмировал Дэн Ци, подключив всё свое воображение.

— Похоже на то, — отозвался Тянь Лэсинь.

Ши Дун с отвращением вытирал лицо. Пэй Цяньсин тоже утерся и посмотрел на небо:

— Поздно уже. Найдём место, отмоемся и отдохнем.

Они поймали мелкую дичь на ужин и по очереди пошли мыться на мелководе. Пэй Цяньсин предупредил, чтобы не заходили глубже, чем по щиколотку, иначе их проглотит крокодил.

Дэн Ци и Тянь Лэсинь помылись первыми и начали готовить ужин, а Пэй Цяньсин спустился к воде.

Он разделся догола, присел на гальку, зачерпнул воды и плеснул на лицо, смывая кровь, а затем, используя рубашку вместо полотенца, начал мыться.

Он походил на античную статую: каждая линия тела совершенна, полна мужской силы и красоты. Короткие волосы, намокшие и взъерошенные, капли воды, сверкающие на коже, золотистый свет заката, подчеркивающий рельеф мышц на руках и спине — всё это излучало притягательную, сексуальную энергию.

Настоящая картина — купание атлета.

Ши Дун, возвращавшийся с уловом, увидел Пэй Цяньсина и присвистнул.

Пэй Цяньсин бросил на него косой взгляд, но промолчал.

Ши Дун решил подзадорить его и направился к нему. Пэй Цяньсин встал, выжимая рубашку, и холодно уставился на него.

Длинные, атлетичные конечности, напряженные мышцы — Пэй Цяньсин стоял, словно изваяние. Капля воды медленно скатилась по его щеке, скользнула по кадыку, по развитой груди, по кубикам пресса и упала на крепкое бедро.

Ши Дун решил поиздеваться:

— А задница у тебя ничего так.

Пэй Цяньсин резко встряхнул мокрую рубашку, окатив Ши Дуна водой.

— Эй, ты чего! Я же промок! — Ши Дун попятился.

— Иди ночью на луну вой, раз такой голодный!

Ши Дун ухмыльнулся:

— Ты разделся так основательно, если я не посмотрю, это же будет неуважением к твоему великодушию?

— Еще раз, и я вырву тебе глаза.

Ши Дун, которому еще никто не угрожал подобным образом, разозлился:

— Слушай, ты... — он сделал шаг вперед, но поскользнулся на мокрой гальке, и рыба, которую он держал в руках, полетела прямо в Пэй Цяньсина.

— А-а! — вскрикнул Пэй Цяньсин, подпрыгнув от боли.

Одна из рыб вцепилась ему прямо в хозяйство!

Рыба выглядела небольшой, но у неё был ряд острых, как бритва, зубов. Она впилась в самое нежное место, отчаянно молотя хвостом. Каждый рывок отдавался невыносимой болью.

Пэй Цяньсин был человеком, который никогда не жаловался на боль, но тут он просто не мог сдержаться.

Это же его «маленький Пэй»!

Он рухнул на землю, пытаясь схватить рыбу, но та вцепилась намертво, продолжая бить хвостом.

Ши Дун бросился на помощь:

— Не тяни! Если кусок мяса отгрызет, будет беда!

Пэй Цяньсин, красный от ярости и боли, стиснул зубы.

— Я помогу, не двигайся! Слышишь, ни с места!

Ши Дун раздвинул ему ноги, встал на колени прямо перед ним и, проявив чудеса ловкости, схватил рыбу. Она всё еще дергалась, не разжимая челюстей.

— Тихо, тихо, терпи, сейчас всё будет... — Ши Дун сжал рыбе пасть и осторожно начал разжимать зубы.

С позиции Пэй Цяньсина это выглядело так: Ши Дун навис над ним, уткнувшись головой ему между ног, а капли воды на его волосах сверкали в лучах заката.

Картина была до неприличия двусмысленной!

Но Пэй Цяньсин кипел от гнева!

Наконец, окаянную рыбину удалось отодрать. Ши Дун, словно совершив подвиг, потряс её хвостом:

— Смотри! Рыба!

На «маленьком Пэе» красовался полумесяц от зубов, сочилась кровь, и он выглядел совершенно поникшим. Пэй Цяньсин, у которого глаза налились кровью, пнул Ши Дуна в грудь.

Ничто не могло остановить его гнев.

Ши Дун отлетел назад, рыба улетела в сторону.

— Пэй Цяньсин, не слишком ли ты груб? — рявкнул Ши Дун. Он чувствовал вину за то, что рыба укусила его, но он же пытался помочь, зачем пинаться?

— Ши Дун, я с тобой еще не закончил! — Пэй Цяньсин потирал покрасневшее место, скрежеща зубами.

Ши Дун вскочил:

— Если бы не я, твоя штукавина осталась бы без хозяина! Должен благодарить меня!

Пэй Цяньсин тоже поднялся, с него капала вода:

— Еще смеешь говорить! Если бы не ты, меня бы никто не укусил!

Ши Дун чувствовал свою вину, но злость брала верх. Он потер ушибленную грудь:

— Не буду я с тобой спорить!

— Проваливай! Проваливай! Проваливай! — Пэй Цяньсин трижды повторил приказ, выражая всю степень своего бешенства.

Ши Дун, ворча, ушел, громко шлепая по воде.

Пэй Цяньсин с тоской осмотрел пострадавшее место. Денек выдался просто отвратительный!

Он вернулся на берег, натянул штаны и, собираясь надеть ботинки, заметил, что внутренняя сторона голенища сильно порвана.

Вчера всё было в порядке, как она могла порваться? Да еще и внутри?

Он посмотрел на лодыжку и обнаружил, что рана, которая еще вчера была глубокой до кости, затянулась, оставив лишь корочку.

Что за чертовщина? Пэй Цяньсин нахмурился.

Впрочем, разбираться было некогда. Он надел ботинки и, неся чистую одежду, побрел к лагерю. Саднящее место напоминало о недавней трагедии.

На подходе к лесу он вдруг заметил в кустах что-то черно-красное.

Пэй Цяньсин подошел к кустам, раздвинул колючие ветки и увидел нечто круглое, застрявшее между корнями.

На вид как страусиное яйцо, темно-красного цвета, с узором, напоминающим чешую. Из-за грязи и листьев его легко было спутать с корнем, но изящный рисунок на скорлупе излучал некую таинственную, древнюю ауру.

Сегодня на ужин будет яичница. Пэй Цяньсин поднял яйцо, протер его и понес в лагерь.

Вскоре после того, как он вернулся, пришел и Ши Дун.

Пэй Цяньсин всё еще был на него зол. Он швырнул в него ботинками:

— Забирай!

Может, тон был слишком резким, а может, бросок слишком сильным, но Ши Дун, поймав обувь, явно всё понял превратно:

— Пэй Цяньсин! Ты когда-нибудь утомнишься? Хватит уже!

Пэй Цяньсин, чей гнев еще не остыл, вспыхнул с новой силой:

— Я успокоюсь? Тебе легко говорить, не тебя же укусили!

Двое других, ничего не понимая, спросили:

— Что случилось? Что происходит?

Ши Дун усмехнулся:

— Вашего братца Красноглазого укусили за пипиську.

— Что?! — хором воскликнули Дэн Ци и Тянь Лэсинь.

Пэй Цяньсин взревел:

— Ши Дун, заткнись!

— Оговорился! Его пипиську укусила рыба, которую я поймал! — поправился Ши Дун.

Тянь Лэсинь выдохнул с облегчением, хотя сам не понял, почему.

Дэн Ци загорелся:

— А где рыба?

Пэй Цяньсин тут же переключил гнев на него:

— Ты сейчас серьезно? Тебя только рыба волнует?

Дэн Ци втянул голову в плечи, подумал и подобострастно добавил:

— Божество, твой... э-э... «маленький Пэй» в порядке?

Пэй Цяньсин вытаращил глаза, а Ши Дун расхохотался:

— Ха-ха-ха, молодец, Ци-Ци, вернись — буду твоим фанатом!

Ужин был довольно богатым: они поймали кролика и птицу, а Тянь Лэсинь собрал диких фруктов.

Ши Дун подбросил в руке плод размером с яблоко:

— Сегодня хорошее настроение, покажу вам мастер-класс. Не моргать!

Он прижал плод к камню, левой рукой придерживая верхушку, а правой начал с невероятной скоростью работать ножом. Через несколько секунд он убрал руки — плод выглядел целым. Но стоило ему слегка провести по нему, как он развалился на тончайшие, прозрачные ломтики.

Дэн Ци и Тянь Лэсинь зааплодировали:

— Круто!

Пэй Цяньсин презрительно хмыкнул.

Ши Дун взглянул на него:

— Красноглазый, не будь таким раздражительным, давление скачет. У тебя глаза вечно красные, это болезнь.

— Это у тебя болезнь!

— Ну, гипертония, сахар там... тебе бы провериться. Лечиться надо вовремя.

Пэй Цяньсин:

— А ты-то сам? Что там за «призрачный волк»? Просто дохлая собака, чего ты выпендриваешься?

Ши Дун разозлился:

— А я люблю выпендриваться, твое какое дело? Кстати, тебе бы от бешенства привиться, раз уж тебя рыба кусала! А то вдруг начнешь тявкать! Гав-гав-гав!

Пэй Цяньсин:

— Дохлая псина! Повтори еще раз! Дохлая псина! Тупая псина! Одинокая псина!

Ши Дун:

— Эй! Это уже классовая ненависть! Не переходи границы!

Пэй Цяньсин:

— По тому, как ты режешь фрукты, сразу видно, насколько ты одинок! Часто, небось, рукоблудишь? Мозоли на руках!

Ши Дун:

— Это мозоли от пистолета!

Пэй Цяньсин:

— Ну да, от «пистолета», который ты держишь в руке!

Дэн Ци и Тянь Лэсинь остолбенели. Они не могли представить, как два человека, которые днем работали как единое целое, вечером могут так нелепо ругаться.

Тянь Лэсинь попытался примирить их:

— Хватит уже, ведете себя как дети.

Но те уже вошли в раж.

Пэй Цяньсин:

— Придурок!

Ши Дун:

— Придурочный сынок!

Тянь Лэсинь:

— Да перестаньте, пустяки же!

Дэн Ци, сосредоточенно посыпая крольчатину специями, сказал:

— Не пытайся, они всё равно не слышат. Они столько лет не встречали никого, кто понимал бы, что такое «придурок», так что пусть выговорятся. Пока они шумят, давай съедим кроличьи ножки.

— А это нормально? — спросил Тянь Лэсинь, но уже вцепился в ножку.

Наконец, оба устали и принялись за ужин, но взгляды их всё еще метали молнии.

Двое других сидели тише воды, ниже травы.

Дэн Ци осторожно начал тему, которая не вызвала бы споров:

— Может, обсудим маршрут на завтра?

Ши Дун прокашлялся:

— Ты видел, в какую сторону убежал Фабио?

Пэй Цяньсин откусил кусок мяса:

— На юго-восток, но не факт, что это путь к Белому дому. Лучше пойдем на восток, поищем следы, которые он мог оставить.

Оба удивительным образом успокоились и начали обсуждать план без всяких пререканий.

Тянь Лэсинь огляделся, собираясь что-то сказать.

— Говори, если хочешь, — разрешил Пэй Цяньсин.

— Я не уверен, просто предположение, — осторожно начал Тянь Лэсинь. — У растений и животных есть определенная закономерность в распределении. На западе много покрытосеменных, а на востоке почти одни голосеменные. Что касается животных, вчера нам попадались мамонты и саблезубые тигры — фауна четвертичного периода, а сегодня — животные эпохи эоцена или плиоцена.

Дэн Ци, жуя крольчатину, подпер подбородок рукой:

— Малыш Лэсинь, говори по-человечески.

<http://bllate.org/book/18706/1807938>